

ДИАЛОГ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Легчилин А. А., Новикова О. В., г. Минск

В истории общества существовали многообразные формы социально-культурной идентификации. Так в традиционном обществе была распространена идентификация человека с родом, племенем, землячеством, наконец, семьей. В целом, в традиционных обществах цивилизации Востока, сохранявшем дух толерантности, веротерпимости и верности моральным нормам, сохранение коллективной идентичности (а учитывая присущий этому обществу примат коллективного начала, то и индивидуальной идентичности) не вызывало особых проблем. Современный человек данной цивилизации, конечно, испытывает искушение смены мировоззрения и системы ценностей под влиянием материально благополучной цивилизации Запада. Но это означало бы для него потерю идентичности, а значит – жизненную дезориентацию.

Человек цивилизации Запада в Новое время идентифицировал себя в качестве представителя белой расы, христианина, гражданина государства и члена гражданского общества. При этом в индустриальном обществе Запада складывание национально-культурных общностей с характерными для них образом жизни и духовностью происходило двумя основными путями, что позволяет говорить о двух моделях формирования современных цивилизаций.

Первая модель – «плавильного тигля», «котла», характерна для «принимающих» стран, в возникновении и развитии которых, решающее значение имела массовая эмиграция людей. В них процесс интеграции представителей различных этносов сопровождался социально-культурной «переплавкой», приведшей к образованию новых политических наций, квалифицируемых как народы США, Канады, Австралии. Их возникновение могло включать элементы насилия и миссионерства в отношении местного населения (например, американских индейцев и австралийских аборигенов), но, целом, происходило мирным и эволюционным путем. В итоге, хотя в социокультурном пространстве этих стран и существуют сегменты, представляющие культурное своеобразие различных этнических диаспор –

афроамериканской, латиноамериканской, итальянской и т.д., определяющее значение имеет единая система ценностей. Поскольку в основе формировавшейся культуры и образа жизни новых народов лежали политические (по своей сути, либерально-демократические) и духовные (христианские) ценности переселенцев из Западной Европы, они закрепились в качестве цивилизационных оснований этих общностей. В итоге эти новообразования способствовали их объединению в рамках «политической нации».

Вторая модель социально-культурной интеграции – «томатного супа» (или «подпитки»), характерна для западноевропейских государств. Она фиксирует возникновение в индустриальном обществе интегрированной социальной общности на основе доминирования титульного этноса (немецкого, французского, испанского) и системы его политических и культурных традиций. Ценности этноса являлись базовыми, определяя социальное бытие национального государства, а ценности других проживающих в нем этнических групп выполняли функцию «приправы», дополняющей «вкусовыми нюансами» возникший продукт интеграции, не меняя его основы. Существенно, что осуществлявшаяся на основе данной модели социально-культурная интеграция не являлась массовой и не носила конфликтный характер, поскольку предполагала образование, воспитание и социализацию новых граждан на основе христианской духовности и национального культурного наследия стран Европы.

Известно, что заметно усилившийся в 60 – 70 годы XX века приток в Западную Европу эмигрантов из развивающихся стран первоначально расценивался как позитивное явление, продиктованное потребностью в новой рабочей силе. Не вызывал тревоги и факт равноправного существования в одной стране разнообразных этнических групп со своеобразными культурными и религиозными ценностями, поскольку предполагалось, что они, адаптировавшись и впитав ценности титульной, государственной нации, естественным путем волеются в нее, добавив, согласно привычной модели «томатного супа», еще одну «специю» – не более. Именно такой сценарий социально-культурной интеграции был положен в основу возникшей в конце 60-х годов концепции мультикультурализма. Этот проект чем-то напоминает модель многожильного провода

(«знакомое нам ветвистое многонациональное советское древо»), которая, по мнению известного российского публициста Льва Аннинского [1], была присуща Советскому Союзу. Но в действительности, по нашему глубокому убеждению, это не более чем «напоминание», поскольку в СССР русский язык был действительно языком межнационального общения, а русская культура была общенародным достоянием и являлась питательным гумусом для культур народов, входящих в его состав, способствуя их взаимообогащению.

Однако развитие событий привело к существенно иным результатам. В Германии, Франции, Великобритании сформировались достаточно мощные этнические диаспоры, которые, вопреки ожиданиям, не растворились в либерально-демократическом государстве с его христианскими корнями, а составили «параллельный мир». Он пользуется гарантированными государством материальными благами, социально-экономическими и политическими правами, но, в то же время, для него характерно непринятие христианских ценностей и традиций титульного этноса и нового отечества, а свойственно воспроизводство идентичности, характерной для религиозной и национально-культурной диаспоры.

В результате вместо реальной интеграции культур в современном европейском обществе наблюдается их сосуществование и конкуренция. При этом конкуренция между культурами тем более сильная, чем больше различия в типах цивилизаций, к которым принадлежат этнические общности. Не случайно, эта модель получила название «слоеного пирога», где каждый слой автономен и отличен от других.

Отмеченная проблема достаточно остро стоит и в России, которая по данным отдела народонаселения департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, в 2013 году вышла на второе место в мире (после США) по числу иностранных мигрантов, численность которых составила 11 миллионов человек. Показательно, что двумя основными национальными угрозами, коррелятивными в сознании представителей русского этноса, являются, по данным исследования ВЦИОМ России – «заселение России представителями других национальностей» – 35 %, и «упадок культуры, науки, образования» – 33% опрошенных [2].

Таким образом, угроза духовного упадка напрямую связывается с мигрантами.

В Беларуси общественное мнение в большей степени толерантно в отношении к мигрантам, хотя у нас проживает уже более 910 тысяч иностранцев, причем за 2013 год возросло количество именно так называемых трудовых мигрантов. Среди приехавших в Минск в этом году трудовых мигрантов больше всего представителей Китая, Украины, Турции и Литвы. Для белорусов же наиболее привлекательным остается российское направление [3].

Таким образом, в современном обществе существует реальная проблема сохранения национально-культурной идентичности, от решения которой зависит характер социальной коммуникации в глобализирующемся мире.

Литература

1. Аннинский, Л. Национальный мир: пространство, время, перспективы // Дружба Народов. 2010. – №1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/1/>. – Время доступа: 21.02.2014.
2. Афанасьева, Н. Перенаправление агрессии: почему россияне боятся мигрантов. Режим доступа: <http://ria.ru/analytics/20130722/951393549.html>. – Время доступа: 14.02.2014.
3. Васев, А. Мигранты. Портрет в интерьере. Советская Белоруссия. 14 сентября 2013 года. – Режим доступа: <http://www.sb.by/post/152806/>. – Время доступа: 28.02.2014.